

INSPIRIA

БОНСАЙ

18+

ИСКУССТВО ЛЮБИ
И ЛЮБОВЬ К ИСКУССТВУ

АЛЕХАНДРО САМБРА

INSPIRIA

Loft. Яркая чилийская душа Алехандро Самбра

Алехандро Самбра

Бонсай

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.134.2-31(83)

ББК 84(7Чил)-44

Самбра А.

Бонсай / А. Самбра — «Эксмо», 2005 — (Loft. Яркая чилийская душа Алехандро Самбра)

ISBN 978-5-04-195726-1

Алехандро Самбра исследует отношения молодой пары и взаимосвязь любви и искусства. «Бонсай» – это история Хулио и Эмилии, двух молодых чилийских студентов, которые ищут истину в великой литературе, но вместо этого находят друг друга. Как и все молодые пары они примеряют на себя новые личности, наблюдают и анализируют свою историю любви, как будто это один из величайших романов, который они оба притворяются, что прочитали. И пока они следят друг за другом на протяжении всей своей юности, то сходясь, то расходясь, Алехандро Самбра создает новаторскую метафизическую историю, блестяще исследующую взаимосвязь между любовью, искусством и памятью.

УДК 821.134.2-31(83)

ББК 84(7Чил)-44

ISBN 978-5-04-195726-1

© Самбра А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

I. Узелок	6
II. Тангалиада	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Самбра Бонсай

© Петров Г., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Адели

Шли годы, а единственным, кто не изменялся, была девушка в его книге.

Ясунари Кавабата

*Боль выявляется и проявляется.
Гонсало Мильян*

I. Узелок

Вот так-то: в конце нашей истории она отходит в мир иной, и он остается один, хотя в действительности был одинок и за несколько лет до смерти Эмилии. Ну назовем ее Эмилией, а его – Хулио. Пусть ее звали или зовут Эмилией, а его звали, по-прежнему зовут и будут звать Хулио. Хулио и Эмилия. Итак, Эмилия покинула его, Хулио пока что жив, а остальное – художественный вымысел.

Впервые они переспали случайно. Их ожидал экзамен по второму разделу синтаксиса испанского языка – предмету, которым они не владели. Впрочем, с юношеской горячностью утверждали, что готовы ко всему, даже к изучению синтаксиса в доме близняшек Вергара. А учебная группа там собралась значительно больше, чем ожидалось. Один врубил музыку, пояснив, что привык под нее заниматься; другой явился с бутылкой водки, сославшись на то, что без алкоголя ему, мол, трудно сосредоточиться. Третий отправился за апельсинами: ему, видите ли, влом пить водку без апельсинового сока. К трем часам ночи все были пьяны в стельку, поэтому и улеглись спать. Конечно, Хулио предпочел бы провести ночь с любой из сестер Вергара, но моментально смирился с необходимостью разделить подсобное помещение с Эмилией.

Хулио не нравилось, что Эмилия задает бесконечные вопросы на занятиях, а ее раздражало, что Хулио запросто сдает экзамены, хотя редко навещается в университет. Тем не менее в ту ночь они вдруг обнаружили чувственную близость, которую, впрочем, способна найти любая парочка, прояви она чуточку усердия в ее поисках. Стоит ли упоминать, что оба плохо сдали злополучный экзамен. Неделью спустя, получив шанс на пересдачу, они снова позанимались с близняшками и опять переспали, хотя на сей раз не было необходимости делить закуток: родители сестер Вергара совершали поездку в Буэнос-Айрес.

Незадолго до того как связаться с Хулио, Эмилия решила, что впредь будет просто *сношаться*, как принято у испанцев, а не заниматься любовью; она больше не станет ни с кем завязывать серьезные отношения, а тем более тупо трахаться. «Эта проблема наша, чилийская, – смущенно сказала Эмилия, воспользовавшись темнотой. – Вот в чем проблема юных чилийцев: мы слишком молоды, чтобы заниматься любовью, а значит, в нашей стране можно только трахаться, но нам с тобой это не подходит, давай лучше сношаться, как в Испании».

В ту пору Эмилия еще не знала Испанию. Через несколько лет она будет жить в Мадриде, городе, где ей предстоит много сношаться, но уже не с Хулио, а в основном с Хавьером Мартинесом, Анхелем Гарсией Атьенсой, Хулианом Альбукерке и даже (правда лишь единственный раз и отчасти вынужденно) с Каролиной Копец, своей польской подругой. Но именно тогда, в следующую совместную ночь, Хулио стал вторым по счету сексуальным партнером Эмилии, или, как с долей лицемерия утверждают мамы и психологи, вторым мужчиной Эмилии, которая, в свою очередь, олицетворила для Хулио первые серьезные отношения. Он избегал таких связей, опасаясь не женщин, а своего серьезного подхода к ним, сознавая, что это таит не меньшую, а то и большую угрозу, нежели сам по себе слабый пол. Хулио понимал, что обречен на нечто подобное, и упорно пытался перечить судьбе, проводя время в стоическом ожидании ужасного и неизбежного дня, когда пресловутая серьезность воцарится в его жизни навсегда.

Первый бойфренд Эмилии был неловок, но в его неуклюжести присутствовала искренность. Он совершал много оплошностей, однако почти всегда умел их признать и исправить. Впрочем, существуют ошибки, не поддающиеся корректировке, и тот недотепа – первый – допустил одну или две из тех, что не прощают. Но они не достойны даже упоминания.

Обоим было по пятнадцать, когда они начали встречаться. А к тому времени, когда Эмилии исполнилось шестнадцать и семнадцать, неловкому парню все еще было пятнадцать. И в

дальнейшем: Эмилии стукнуло восемнадцать, и девятнадцать, и двадцать четыре, а ему по-прежнему было пятнадцать, ей – двадцать семь, двадцать восемь, но ему пятнадцать, вплоть до ее тридцатилетия. Нет, Эмилия не продолжила счет своим дням рождения после тридцати, и не потому, что с той поры решила уменьшать свой возраст, а лишь потому, что через несколько дней после того, как ей исполнилось тридцать, она умерла. Так что кончились дни рождения – у покойников их не бывает.

Следующий бойфренд Эмилии был чересчур белокожий. С ним она открыла для себя альпинизм, велосипедные прогулки, бег трусцой и вкус йогурта. Да, среди прочего, это был период пристрастия к йогурту, что важно для Эмилии, прежде злоупотреблявшей писко¹. Долгими сумбурными ночами она поглощала писко с кока-колой, писко с лимоном, а то и «чистый», безо льда. Они страстно обжимались, но до полового акта дело не дошло, ведь парень был слишком, по-европейски, белым, что вызывало у Эмилии недоверие, хотя и сама она была такой же, почти совсем светлой, однако с очень черными короткими волосами.

Ну а третий был серьезно болен. Она с самого начала знала, что их связь обречена, но все-таки отношения затянулись на полтора года. И он стал ее первым сексуальным партнером, первым мужчиной, когда ей было восемнадцать, а ему двадцать два.

Между третьим и четвертым – несколько любовных встреч на одну ночь, скорее, от скуки.

Четвертым стал Хулио.

Согласно глубоко укоренившемуся семейному обычаю, половую инициацию Хулио согласовали за десять тысяч песо с Исидорой, кузиной, которую, конечно, не звали Исидорой и которая не была двоюродной сестрой Хулио. Все мужчины в семье прошли через Исидору, молодую еще женщину с шикарными бедрами и некоторой склонностью к романтизму. Она соглашалась уделять им внимание, хотя и не была, как бы это выразиться, блудницей, совсем уж проституткой – она трудилась секретаршей адвоката, и не упускала случая упомянуть об этом.

В пятнадцать лет Хулио познал кузину Исидору и продолжал контактировать с нею в последующие годы, получая свидания как дорогой подарок, когда достаточно сильно настаивал. Или когда жестокость его отца смягчалась, и тут же наступало так называемое раскаяние, сразу же сменявшееся периодом отцовской вины, наиболее благоприятным последствием которого являлась финансовая выгода сына. Излишне упоминать, что Хулио влюбился в Исидору, что он желал ее и что она, испытав мимолетную нежность к начитанному юноше в черной одежде, обходилась с ним лучше, чем с другими гостями, баловала и по-своему воспитывала.

В социосексуальных целях он начал встречаться с женщинами своего возраста только в двадцать лет. Его успех был невелик, но достаточен для того, чтобы решиться покинуть Исидору. Бросить ее так же, как прекращают курить или делать ставки на скачках. Конечно, ему было нелегко, но за несколько месяцев до той второй ночи с Эмилией Хулио уже считал себя спасшимся от порока.

Так что во вторую ночь Эмилия конкурировала с единственной соперницей, хотя Хулио ни разу не пришлось в голову их сравнивать, отчасти потому, что это было невозможно, но также потому, что Эмилия фактически стала единственной любовью всей его жизни, а Исидора – давним приятным источником развлечений и страданий. А когда Хулио влюбился в Эмилию, все развлечения и страдания, предшествовавшие тем, которые она ему начала доставлять и причинять, вспоминались всего лишь как имитация подлинных.

Хулио впервые обманул Эмилию, сказав, что читал книги Марселя Пруста. Обычно он не лгал о своем литературном багаже, но в ту вторую ночь, когда оба поняли: между ними что-

---

¹ Крепкий алкогольный напиток из винограда, популярен в Перу и Чили (*прим. перев.*).

то происходит, и это что-то, сколько бы ни продлилось, будет важным, Хулио повысил голос и доверительно сообщил: да, да, он прочел Пруста в семнадцать, на летних каникулах, которые провел на курорте Кинтеро. Однако никто из его семьи уже не отдыхал там летом, включая родителей Хулио, которые когда-то познакомились на пляже в Эль-Дурасно, но давным-давно не ездили на прекрасный курорт Кинтеро, оккупированный теперь бродягами. В семнадцать лет Хулио якобы поселился там, в доме бабушки и дедушки, чтобы запереться в комнате и спокойно читать знаменитый роман Пруста «В поисках утраченного времени». Ложь, разумеется: тем летом он ездил в Кинтеро и читал запоем, но не Марселя Пруста, а Джека Керуака, Генриха Белля, Владимира Набокова, Трумэна Капоте и Энрике Лина, а не Марселя Пруста.

Той же ночью и Эмилия впервые обманула Хулио. Ее ложь тоже состояла в том, что она, мол, прочла Марселя Пруста. Сначала просто кивнула: и я, конечно, его читала. Но тут возникла долгая пауза, не то чтобы неловкая, а выжидательная, поэтому Эмилии пришлось закончить фразу: да, в прошлом году. И у меня ушло на это около пяти месяцев, ведь я была занята, как тебе известно, ликвидацией «хвостов» в университете. Тем не менее решила осилить все семь томов, и, признаться, для меня, как для читательницы, это были важнейшие месяцы жизни.

Да, она употребила такое выражение: несомненно, это были самые важные месяцы в ее жизни как читательницы.

Так или иначе, в истории Эмилии и Хулио больше недомолвок, чем лжи, и меньше недомолвок, чем правды – той, что именуется абсолютной и считается неудобной. Со временем, недолгим, но вполне достаточным, они начали открывать друг другу свои менее явные желания и устремления, необъятные чувства, свои краткие приукрашенные биографии. Хулио поделился с Эмилией тем, о чем должен знать только его персональный психолог. В свою очередь Эмилия задним числом превратила Хулио в некоего соучастника принятия каждого своего решения на протяжении всей жизни. К примеру, когда она поведала, что в четырнадцать лет возненавидела собственную мать, Хулио внимательно выслушал ее и одобрил – да, Эмилия, ты приняла тогда правильное решение, а по-другому и быть не могло; он сам поступил бы точно так же. Кстати, будь они тогда, в четырнадцать лет, вместе, он, естественно, всячески поддержал бы ее.

Связь Эмилии и Хулио изобиловала правдой, интимными откровениями, быстро переросшими в соучастие, которое они пытались считать незыблемым. Так что эта легковесная история превращается в тяжкую. В сюжет о двух студентах, пристрастившихся к правде; они швыряются фразами, которые кажутся истинными, постоянно курят и замыкаются в агрессивном самодовольстве тех, кто считает себя лучше, чище остальных – той огромной и презренной массы, которую именуют «прочими».

Они мигом научились читать книги одних и тех же писателей, размышлять в одном русле и утаивать различия. Очень скоро их сблизило самолюбие. По крайней мере в то время Хулио и Эмилия сумели связать друг друга каким-то подобием узелка. Короче, они были счастливы, и в этом нет никаких сомнений.

II. Танталиада

С той поры они продолжали *сношаться* в одолженных квартирах и в номерах мотелей, где от простыней разило коктейлем «Писко сауэр». Они занимались сексом в течение года, и тот год показался им быстротечным, хотя на самом деле был очень долгим – на редкость длинным годом, по истечении которого Эмилия переехала к своей подруге детства Аните.

Анита невзлюбила Хулио, сочтя его тщеславным и депрессивным, но ей все же пришлось звать его к завтраку, и однажды даже приготовить его любимое блюдо – яйца всмятку, чтобы доказать себе и своей подруге, что в глубине души Хулио не так уж ей неприятен. Он был постоянным визитером тесной и, скорее, негостеприимной квартиры, которую делили Эмилия и Анита. А вот что беспокоило Аниту в Хулио, так это то, что он слишком сильно повлиял на ее подругу.

- Ты изменил мою подругу. Не была она такой.
- А ты? Всегда была такой?
- Какой еще такой?
- Ну как сейчас.

Но тут в перепалку вмешалась Эмилия, проявив понимание и сыграв роль миротворца. Какой смысл быть рядом с кем-то, не влияющим на твою жизнь? Вот что она сказала в присутствии Хулио: жизнь имеет смысл, только если находишь кого-то, кто изменит тебя, кто нарушит твоё существование. Аните эта теория показалась сомнительной, но она не стала ее оспаривать. Ей было известно: когда Эмилия говорит таким тоном, возражать бесполезно.

Странности Хулио и Эмилии были не только сексуальными (а таковые имелись) или эмоциональными (их тоже было предостаточно). Это же касалось, если можно так выразиться, литературных вкусов. В одну особенно счастливую ночь Хулио шутливо прочитал стихотворение Рубэна Дарио, которое Эмилия драматизировала и упрощала, пока оно не выродилось в подлинно сексуальную поэму, откровенную, со стонами и оргазмом. У них стало традицией читать вслух – тихим голосом – каждую ночь перед соитием. Они прочли «Книгу Монеллы» Марселя Швоба и «Золотой храм» Юкио Мисимы, обнаружив в них разумный источник эротического вдохновения. Вскоре чтение стало значительно разнообразнее: в список вошли «Человек, который спит» Перека, несколько рассказов Онетти и Рэймонда Карвера, стихи Тэда Хьюза, Тумаса Транстремера, Армандо Урибе и Курта Фолча. И даже отрывки из Ницше и Эмиля Чорана.

В один то ли хороший, то ли плохой день случай предъявил им страницы «Антологии фантастической литературы» Борхеса, Бибы Касареса и Сильвины Окампо. Вообразив склепы и дома без дверей, изучив черты бесчисленных призраков, они остановились на «Танталиаде» – кратком рассказе Маседонио Фернандеса², который глубоко повлиял на них.

«Танталиада» повествует о паре, решившей купить маленькое растение³, дабы сохранить его как символ объединяющей их любви. И лишь с опозданием поняли: если росток погибнет, вместе с ним умрет их любовь. А поскольку любовь, которая их соединяет, безмерна, и они ни в коем случае не намерены ею жертвовать, было решено затерять растение среди множества похожих на него. Далее – грядущее разочарование и несчастье от осознания того, что они никогда не смогут отыскать свою травинку.

---

² Аргентинский поэт, писатель, философ (прим. перев.).

³ В произведении речь идет о ростке клевера (прим. перев.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.